

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРШИНЫ

Александр ФРОЛОВ

54 года назад в Севастопольской бухте погиб линкор «Новороссийск». Те трагические события в ночь с 28 на 29 октября 1955 года навсегда запечатлелись в памяти их непосредственных участников. Тех, кому удалось уцелеть. Сегодня мы предлагаем вам рассказ человека, который всю свою службу – четыре с лишним года – провел на линкоре и до сих пор помнит буквально каждый сантиметр этого корабля. Проживающий в Ярославской области старшина 1 статьи в отставке Борис Николаевич Алатырев вспоминает.

Путь в Севастополь

Как становятся матросами линкора? И по желанию, и по воле случая. Когда меня призывали в армию, то на военкомовской комиссии спросили, где бы хотел служить. Я сказал, что на флоте. Это было мое внутреннее решение, которое выглядело не совсем практично, так как на флоте служили пять лет, а в армии – три. В чем причина такого решения? Мне почему-то не нравилась сухопутная форма. О флоте и море я имел довольно отдаленные представления: боевые корабли видел в кино и на картинках, море также. Вся моя надводная подготовка состояла в том, что в школе в кружке мы изучали шлюпочное дело и ходили по реке на шлюпках. Тогда на комиссии они о чем-то подумали, но, видимо, учли мое пожелание, и когда я явился по повестке, то сказали, что еду на флот.

Прихожу на мандатную комиссию. За столом серьезные военные. После доклада спрашивали, кто отец, кто мать, комсомолец ли, и ставили штампы: «А» – плавсостав, «Б» – береговая оборона. Третьи были подводники, но их оказывалось немного. Началось распределение по специальностям. 20 человек определили в химики, меня записали в радисты, но по слуху я не прошел. Дальше остались три школы – механическая, объединенная (коки, сигнальщики, баталеры) и школа оружия, куда меня взяли в учебный отряд дальномерщиков. По окончании учебки людей стали расписывать на корабли. Почему-то многие стремились попасть на корабли малого тоннажа, якобы там легче служба. Офицеры же нам говорили, что крупный корабль и особенно линкор – это весь военно-морской устав, там и служба почетнее, и порядок выше, но с увольнениями там хуже. Моего друга Ленку Игумнова расписали на мелкокаботажную посудину, а меня – на линкор. Потом он мне писал, что живет «как в раю», а я ему в ответ, что, мол, служу.

Про дальномерщиков говорили, что у них тоже служба хорошая. Прибор ДОР наподобие бинокля: поле зрения, перекрестие, два ромбика, их нужно совместить. Дальномерщик на корабле – большая фигура, особенно при артиллерийской стрельбе. Служил я в дивизионе главного калибра в группе управления артогнем (ГУАО). На военном корабле главная часть – артиллерийская, если

он боевой. Вторая – БЧ-5, это сердце корабля, движение, двигатель, турбины. Приборы управления стрельбой, электрик ПУС, дальномерщики определяют дальность до цели, визирщики – курсовой угол корабля. И дальше определяют угол прицеливания. Комендор – это артиллерист.

На линкоре

О службе на линкоре можно много рассказать. Вообще, это огромный организм, личного состава на нем было 1.200 человек. Но по моей специальности, связанной с орудием главного калибра, более всего запомнились учебные стрельбы. Линкор не выходил из Черного моря, отрабатывалось все на внутренних полигонах. Когда корабль шел в море, за ним всегда двигался конвой. Согласно уставу линкору не положено было ходить одному, флагман нужно было охранять. Прикрытие составляли эсминцы сопровождения, а иногда и крейсер. В основном учебные стрельбы по берегу проводились напротив Феодосии. У нас был корректировщиком М. Кавин. Он высаживался на берег, прятался в укрытии и по радиации корректировал огонь, сообщая о точности поражения: вынос влево, вынос вправо, недолет-перелет. Огромный снаряд-болванка бил в землю, а где-то в другом месте из земли вылетал фонтан грунта. Таких дыр на полигоне наделали немало. А что такое орудие главного калибра? Это 320-мм снаряд весом 750 кг. Вес только порохового заряда составлял 43 кг, и он закладывался в шелковом чулке. Стреляли не на самую дальнюю дистанцию – 20 км, и порох закладывали соответственно на 3/4. Стрельба по берегу мне не особенно нравилась. То ли дело в море. Эсминец тащит щит – контур корабля, натянутое полотнище, мы выцеливаем, бьем. Цель по форштевню держал горизонтальный наводчик, вертикальный – относительно палубы, а точный наводчик корректировал горизонтального. Он, по сути управляющий огнем, давал команду: «Товсь!» А потом: «Пли!».

На 20 километров снаряд летел 30 секунд, и я их считал – от выстрела до вздымаемого на горизонте огромного столба воды. Прямое попадание – самая высокая оценка, выполнение кораблем своего предназначения – все сразу получают благодарность. Но самым «высшим пилотажем» у нас считалась стрельба по конусу, который тащил самолет. Если конус поражали, радость у всех была неопишная. У меня, наверное, особенная. Все эти годы я не пропустил ни одной стрельбы, лучше других видел всю мощь корабля в визир центральной наводки, переполнялся не сравнимым ни с чем чувством гордости. Часто наши оценки были отличными. По конусу у нас стрелял 3-й дивизион, 1-й работал по щиту.

Было у нас такое движение – повышать классность, все в нем участвовали и гордились этим профессионально. Так, радист 1-го класса Кривохатко принимал 120 знаков. И он был не один. Но стрельбы и успехи я любил еще и потому, что они давали возможность три раза в неделю ходить в увольнение в город, а там обязательно сходить на танцы. Севастополь я полюбил, Приморский и Исторический бульвары – мои самые любимые места. Приморский бульвар считался местом привилегированным – туда больше ходили курсанты.

Были мы молодые и хотели выглядеть красиво, особенно перед девчонками. Для этого прибегали к хитрости. Шиком считалось ходить в расклешенных брюках, но нам выдавались обычные. Что делали матросы? Брели эти брюки, замачивали их в воде, вставляли в них фанерный клин. Брюки высыхали и растягивались. Но это было до первой сырой погоды. Стоило пройти дождю, и клеша превращались обратно в обычные брюки. Другие вшивали в брюки клинья, но за этим строго следили патрули. Матросам с такими брюками давали нож и заставляли выпаривать клинья, а

вместо увольнения отправляли на строевую подготовку. Летом, чтобы не париться, делали обманки – на майку пришивали верх тельняшки. Зосима Григорьевич Сербулов, капитан 2 ранга, прошедший путь от рядового матроса до помощника командира линкора, при осмотре не раз обличал обманщиков. Бывало, возьмет за верхний шов и вытащит обманку. При этом он не только выводил из строя, но и объявлял взыскание за порчу казенного имущества.

Отношения с офицерами у нас на линкоре были уважительные, но довольно простые. То есть при встрече на корабле офицеру не козыряли, а просто уступали дорогу и здоровались. Но был у нас комдивизиона капитан-лейтенант Марченко. Имел он скверную привычку при разговоре с подчиненными пальцами крутить им пуговицы. А иногда вообще мог пуговицу открутить и положить в ладонь матроса.

Не раз мы ходили в походы. Один из таких походов был в г. Новороссийск. Задачу выполнили, зашли в Цемесскую бухту. А комсомол города взял шефство над одноименным кораблем, и на берегу нам приготовили концерт и очень теплую встречу. После приема, теплоты и задушевности встреч местных девчонок и женщин от наших парней буквально отрывали патрули.

Надолго запомнились праздники, посвященные Дню Военно-Морского Флота. В этот день в бухте проводились шлюпочные гонки, звездные заплывы – красота. Все в белых беретах плывут до Графской пристани. Там же всплывает подводная лодка, к ней подлетает вертолет, опускает трап и забирает с нее людей. Вечером – салют, корабли все расцвечены флагами, сверкает иллюминация. Действительно это были праздники.

Два раза за службу близко видел советское руководство. Как-то раз нас вызвали на берег на вокзал выгружать вагон с бутафорией – приехал драмтеатр. Вдруг началась суeta, народ побежал, все говорят: «Хрущев едет, Хрущев!». Вокзал сразу же оцепили, нам не выйти. И тут видим: приехал Хрущев в открытой машине. Сам в белой косоворотке, в белой соломенной шляпе. Его встретила делегация гражданских и военных, вручила цветы, он снял шляпу, помахал ею, затем прошел в вагон. В 1954 г. Хрущев, Булганин и Ворошилов побывали на крейсере «Адмирал Нахимов», на который незадолго до этого в Нфиколаеве поставили ракетную установку. Когда эти руководители на катере проходили мимо нашего линкора, личный состав выстроили на палубе по правому борту. Мы их приветствовали и видели достаточно близко. Но Хрущева матросы не любили и за глаза звали его «кукурузный початок». Гостем Севастополя однажды был и китайский руководитель Чжоу Эньлай.

Катастрофа

Служба шла к концу, и ничто не предвещало беды. Мощь корабля была такова, что просто не верилось, что с ним что-то может произойти. Наступило утро 28 октября 1955 г. Мы снялись с якоря, ушли в море, а в 18.00 зашли в базу, стали на якорь и бочку. Погода была тихая. Вышло так, что в это время командир корабля капитан 1 ранга Кухта был в отпуске. За него остался помощник капитан 2 ранга Хуршудов, но и он отправился на берег. Старшим на корабле остался помощник командира З. Сербулов, а дежурным по кораблю – капитан-лейтенант Марченко. Командующий эскадрой контр-адмирал П. Уваров был в отпуске.

Все шло своим чередом. Как обычно, была дана команда ужинать, а увольняющимся –

приготовиться на берег. Командир части имел право уволить 30 процентов личного состава на берег. Увольняемые выстроились на юте, проверили готовность к увольнению – чистоту, аккуратность, наглаженность, после чего дежурный офицер по кораблю дал команду: «Баркас к трапу!». Для перевозки людей на берег и возвращения с берега имелись два баркаса вместимостью до 300 человек, на борту каждого – флюгарка, означавшая принадлежность к кораблю. Баркас отошел от борта, матросы отправились в свое последнее увольнение.

Дальше по распорядку поступала команда мыться и стираться. Расходное подразделение на верхней палубе ставило леера для просушки белья. При этом каждое подразделение имело свой участок для сушки. В 21.00 по громкой связи по всему кораблю прозвучала обычная команда: «Команде пить чай». Чуть позже: «Палубы проветрить и прибрать». Затем весь личный состав вышел на верхнюю палубу сделать легкую приборку: в субботу вечерняя поверка не проводилась.

После приборки было объявлено: «Команде – приготовиться ко сну, койки брать!». Начали отходить ко сну. Спали мы в гамаках. Помимо всего, койка была еще и спасательным средством, поскольку в ней имелся пробковый матрас. Офицеры и сверхсрочники были уволены до утра – до подъема флага, а весь личный состав, уволенный до вечера на берег, прибыл полностью. Дежурный по кораблю доложил З. Сербулову, что замечаний нет.

Корабль погрузился в сон. По часам я заметил, что в 1.15 горел ночной свет, как положено. Но только я задремал, как проснулся от страшного грохота. В гамаках всех закачало, ночной свет погас. Люди повскакивали, не понимая, в чем дело. Снова зажегся свет, и была объявлена боевая тревога. По тревоге все действия наши были расписаны, и мы репетировали их много раз. В соответствии с инструкцией я бросился наверх на свой командно-дальномерный пост (КДП), высота которого над верхней палубой была 34 метра. Когда мы прибыли на пост, объявили аварийную тревогу. Я открыл амбразуру, и мне предстала картина произошедшего: взрывом вырвало палубу корабля, в районе шпилей образовался разрыв размером примерно 8 на 6 метров. Все наше отделение сгруппировалось на своем боевом посту. Мы поняли, что произошло что-то страшное и что вода хлынула внутрь. Я прикинул, что в эпицентре взрыва под килем находились помещения музкоманды, боцмана, штурмана, 3-й дивизион (комендоры-артиллеристы), 15-й кубрик электротехнического дивизиона БЧ-5. Именно по ним пришелся главный удар. В последнем подразделении служил мой земляк Юрка Евграфьев, который, как потом выяснилось, погиб.

Ситуация складывалась крайне тревожная, никто не мог исключить нового взрыва. Мог взорваться весь боезапас, и тогда последствия такого взрыва были бы катастрофическими не только для линкора, но для всей бухты и всего города. В течение почти трех часов мы наблюдали гибель линкора. Без команды мы не имели права покинуть пост и в то же время не должны были принимать участия в борьбе за живучесть корабля, что стало в тот момент главным делом БЧ-5, часть моряков которой погибла сразу же. Началась без преувеличения героическая борьба за живучесть корабля экипажа и прибывших на линкор аварийных партий с других кораблей. Когда крен немного выправили, появилась надежда, что все встанет на свои места. Но многие внутренние переборки были разрушены.

На корабль прибыли командующий Черноморским флотом вице-адмирал В. Пархоменко, член Военного совета Н. Кулаков, командование эскадры. Я видел только, что З. Сербулов первым организовал эвакуацию оказавшихся в зоне взрыва раненых моряков, которых можно было

спасти. Их выносили и грузили на баркас, поданный под трап правого борта, пока это было возможно, поскольку корабль носом опускался в воду все ниже и ниже. Насосы не успевали справляться с работой, качали, как говорится, море.

Наше положение было странным. Мы не спасали корабль и никак не могли повлиять на его судьбу, но при этом не получали никаких команд. Думаю, что в той обстановке о нас просто могли забыть. Внутри фок-мачты в помещениях находились люди – радисты, сигнальщики, ходовая рубка командира корабля, визирщики, мы – дальномерщики, электрики ПУС (приборов управления стрельбой). Все были на своих местах и, по сути, ждали развязки. Время шло, и ситуация менялась только к худшему: корабль сначала опускался плавно на нос, но через некоторое время стал заваливаться на левый борт. Люди, не занятые спасательными работами, поняли, что наступил критический момент, и стали потихоньку собираться на юте.

К этому времени корма уже поднялась над водой. Я был старшим и начал быстро соображать, как спастись самому и спасти ребят. Они все видели, понимали и говорили: – Товарищ старшина, а нам-то куда? – Бегите туда, куда все, на ют, на корму! – решил я тогда принять единственное решение, не дожидаясь команды сверху. – Бегом туда, где собираются люди, свободные от спасательных работ.

Но, скажу, никакого хаоса и паники среди нас не было. Матросы бросились вниз, а потом посыпались как горох. Командование линкора находилось на корме, на юте. В тот момент я тоже прикидывал, куда идти. Возникла мысль, что корабль ляжет на дно, плавсредства подойдут, и я сойду с линкора, даже ног не замочив. Но ничего лучше не придумал, как броситься за остальными вниз, ноги уже соскальзывали по ступеням. Падая, уцепился за поручни и спустился на них. Это, наверное, меня и спасло. Едва я достиг шкафута, перелез через леера, как корабль пошел вниз настолько быстро, что меня сразу же накрыло водой, и я стал погружаться в холодную пучину. Огромный линкор водоизмещением 28 тыс. т перевернулся и ушел под воду.

Я изо всех сил заработал руками и ногами. Через какое-то время вынырнул и осмотрелся: кругом темнота, по воде шарят прожекторы, раздаются крики, а где-то на расстоянии видны плавсредства. К моменту оверкиля корабля они были стянуты вокруг него на некотором расстоянии – шлюпки, морские трамвайчики, катера – все, что можно было задействовать.

Рассмотрел огни на берегу, огни военно-морского госпиталя. Вроде бы и холод не так стал ощутим, поплыл в сторону города. На этот момент спасатели пошли навстречу, стали сжимать кольцо и вытаскивать из воды всех, кто им попадался. На моем пути оказался морской трамвайчик, около него масса людей билась о борт. Собравшись с силами, обогнул этот катер, и тут мне подали какой-то крюк. С его помощью я взобрался на катер. Тут же бросился помогать другим людям вылезать из воды на палубу. Это в какой-то степени помогло, потому что только на палубе катера ощутил ледящий холод, все жилы буквально застыли. Сцены были жуткие. Вытащили знакомого мне матроса Желобова из Саратова из 1-го дивизиона группы управления артогнем. У него была перебита нога и болталась на одном сухожилии. Спешно, не теряя времени, уложили матроса на носилки, перетащили на соседний катер, и тот направился к берегу в направлении военно-морского госпиталя. К счастью, Желобов выжил, хотя и остался без ноги.

Не помню, но каким-то образом я оказался уже в госпитале. Голова у меня была залита мазутом, как-то удалось ее помыть. Там нас раздели, записали фамилии и уложили в койки, которые

освобождались от ходячих больных. Рядом со мной оказался капитан 3 ранга. Ему по каким-то каналам передали спирт. Тут же выпили этот спирт, накрылись одеялом. Не одного меня сильно колотило, зубы стучали, но после выпитого чуть успокоился и сразу же провалился, как в яму. Но через час-полтора по громкой связи объявили: всем матросам и военнослужащим «Новороссийска», способным передвигаться, явиться на санпропускник. Пощупал себя, лежу в чем мать родила, но руки и ноги целы. И как в таком виде идти? Вижу, проходит один больной в пижаме, я ему и говорю: – Слушай, дай пижаму дойти до санпропускника. Я там оденусь и ее верну.

Парень согласился, я оделся, а он пока занял мое место. Пришел на санпропускник. К этому моменту со всех складов туда привезли одежду, выдали трусы, майку и робу. Не успел вернуть пижаму больному, как раздался еще один сигнал: всем, прошедшим санпропускник, собраться в помещении № ... Собрались. К госпиталю подогнали грузовики, нас рассадили и повезли в 7-й учебный отряд ЧФ на Корабельную сторону – тот самый, который я окончил в 1951 г. Затем провели проверку личного состава, всех распределили по своим подразделениям и поместили в большом корпусе. А ребят, которые там на тот момент учились, переместили в учебные классы.

29 октября в 14.00 всех спасшихся в катастрофе построили и повели обедать. Перед обедом дали по 100 граммов спирта, после чего опять уложили в койки. Я уснул и во сне от кошмаров стал кричать, меня положили на носилки и отнесли в лазарет. Пришел в себя часов в 9 вечера, огляделся по сторонам. Вижу: совсем другое помещение, другие люди. Тут же побежал искать дежурного врача. Нашел его и говорю: выпишите меня поскорее, мне надо к своим ребятам.

В течение почти недели мы хоронили погибших товарищей. Выясняли, кого недостает. Из моих товарищей погибли матросы Степченко, Семечко, писарь командира дивизиона Лятев, Борис Тарасов из Тулы. Трупы матросов и офицеров всплывали – разбухшие, страшные, их опознавали по номерам. На каждом кармане имелась метка. Цифра 2 означала артчасть, у меня, например, была метка 2-1-2. Определяли по меткам. Кто-то погиб мгновенно, кто-то остался в отсеках, кого-то поглотила холодная вода, кого-то пришибло падающими предметами в момент опрокидывания. После опознания хоронили на Братском кладбище на Северной стороне. Как и в Крымскую войну, всех хоронили в братской могиле. Какие-то трупы опознать не удалось, можно было только догадываться. Чтобы как-то скрасить наше тяжелое положение, нам ежедневно присылали артистов с концертами, показывали кино, чтобы немного успокоить людей. Приехал командующий эскадрой контр-адмирал Петр Уваров. Поговорил с нами и предложил остаться на сверхсрочную. Но никто не согласился. Уцелевшие были рады, что остались в живых.

Как-то часов в 9 вечера мне кричат: «Старшина Алатырев, на КПП!». Подумал машинально, кого это принесло. Иду и вижу девушку, с которой танцевал на Матросском. Она работала в парфюмерном магазине на Большой Морской и звали ее Нелли Стрелец. Мы с ней обнялись, оба были растроганы. Она была очень рада, что я спасся, достала мне из сумки вино, виноград, персики, еще что-то. Во всяком случае, она меня сильно приободрила. Понял, что жизнь продолжается.

Вскоре тех, кто не дослужил, стали расписывать по кораблям. Нам оставалось служить месяц, поскольку тогда срок службы на флоте сократили до 4 лет. Документы и личные вещи, заготовленные на «дембель», мы потеряли. Помню, я за 400 рублей в Севастополе заказал у портного габардиновый клёш, купил модные чешские туфли, приготовил три новые тельняшки, две суконки (голландки), два бушлата, цигейковую шапку, белые брюки, две форменки,

комиссионные швейцарские часы, облигации и разную мелочь. Жили мы тогда бедно. Думал, что после флота мою черную шинель мама перешьет в полупальто. Но шинель хранилась в рундуке и утонула. И Бог с нею, сам, главное, уцелел, а вещи – жалко, но дело наживное.

Ожидали увольнения после 7 Ноября. Многие «годки» не дождались демобилизации – погибли. Всему личному составу, кому удалось спастись, дали по 60 рублей, что примерно равно было месячному денежному довольствию молодого матроса, вроде бы как компенсацию за утраченные документы, личные вещи, фотографии. Всех не дослуживших срок и оставшихся в живых расписали на другие корабли, в другие части, тяжело раненных и изувеченных комиссовали. А нам, «годкам», дали по 500 рублей на день увольнения.

Матери моего земляка Юрки Евграфьева пришла похоронка. Соседи сразу же бросились к моей маме, мол, вам ничего не присылали? Она ответила, что нет, но сразу же заволновалась, не знает, куда бежать. А письма тогда не пропускали, почту попридержали. Но понемногу себя успокоила: похоронки-то нет, а 23 ноября я вернулся домой. Описать тот день невозможно. Явился в военкомат отметить, а военком вызвал меня и предупредил, чтобы я по этому поводу не распространялся. Но о взрыве уже говорила вся Южная железная дорога, ведь при взрыве в окнах города повывлетали стекла.

Я всегда считал, что те люди, которые находились на борту линкора и боролись до последнего, как предписывал устав, за живучесть корабля, совершили подвиг. Ими надо гордиться, как гордились, например, подвигом матросов крейсера «Варяг». «Новороссийцы», не повинны в гибели линкора, они до последнего спасали гибнущий корабль. Это был их воинский долг, и они его выполнили с честью.